

# Дики адьгского прошло



ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 17 (129)

## КАВКАЗ. АБХАЗИЯ, АДЖАРИЯ, ШАВШЕТИЯ, ПОСХОВСКИЙ УЧАСТОК.

### ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ГРАФИНИ УВАРОВОЙ. 1886 г.

Продолжение, начало в  
выпусках 15 (127), 16 (128).

Двор был по самый верх засыпан землею, перемешанной обломками камней и плит; земля эта была вынута нами до самого основания; ближе к грунту нашлись несколько звериных костей и три красненьких черепочка; земля казалась более черной, но вот и все: ни вещей, никаких других следов погребения или жилища, не оказалось. В самом же долмене, не раз употребляемом как жилье, разумеется, не могло быть и следов погребения; взрывать же нижнюю плиту было бы немислимо, да и безрассудно, в виду желательного сохранения столь драгоценного памятника седой старины. Единственная интересная находка среди множества вынутой щебенки со двора, это – каменная пробка от круглого отверстия, подобная находимым Фелициными в Кубанской области; пробка из белого песчаника, с головой в виде гриба, с выпуклостью на середине; высота всей пробки 15 вершков; высота головы 4 вер.; окружность стержня 1 ар. 6 вер.; диаметр головы 12 верш. Найдена она около самого отверстия, лежащая параллельно с передней стеной. С задней стороны долмена насыпано что-то вроде вала, состоящего из земли и щебня, сложенного под насыпью довольно правильными рядами.

Наискосок от первого долмена, приблизительно в десяти шагах, в глубокой чаще, нашли и очистили второй долмен, хотя и завалившийся, но весьма интересный по разновидности рисунка передней плиты. Долмен этот завалился таким образом, что боковые плиты раздались под тяжестью верхней, вероятно в свое время громадной плиты, но видимо изрубленной и уменьшенной ныне по всем краям; падению долмена способствовали не мало и корни деревьев, охвативших и обросших его со всех сто-

рон. Разрушение памятника нельзя на этот раз приписать рукам человеческим, ибо обрушившееся здание, после очистки от деревьев и кустов предстало пред нашими глазами в полной сохранности отдельных своих частей. Плиты, обрушиваясь, поддались верхней частью внутрь долмена; задняя рухнула, перевернулась и находится теперь под верхней; нижняя могла от сотрясения выскочить из пазов, вдвинуться внутрь и стоит теперь ребром под верхней плитой. Передняя также выскочила с места, сильно поддалась вперед и служит теперь подставкой старой ясени, выросшей на ней и имеющей в обхвате 2,5 ар. Старика этого мы, разумеется, не трогали и старались даже не прикасаться близко к его могучим корням, ползущим по плите и охватывающим ее со всех сторон. От тяжести плита эта лопнула, но рисунок, ее украшающий, виден весьма ясно: на ней высечено выпукло нечто вроде двери с притолокою на двух прямых столбах. Ширина притолки и столбов 6 вер. Трудно разобрать, чем кончается низ рисунка и есть ли на плите обыкновенное круглое отверстие, ибо большая ее часть выросла в дерево. Толщина этой плиты 6 вер.; по бокам плиты заметна весьма ясно желобоватая выпуклина, вероятно, для вставки в паз. Длина левой стены, лежащей плашмя, 4 ар., высота 2 ар. 6 вер., толщина 7 вер. Длина правой стенки, оставшейся на месте и глубоко сидящей в земле, 3 ар. 15 вер., толщина 9 вер., причем верхняя часть заметно закруглена. Длина задней, перевернутой и лежащей под верхней плитой 2 ар. 14 вер. У левой стены, с боку, лежит еще продольная меньшая плита, вероятно служившая прежде устоем, как глыбы первой хаты; длина ее 1 ар. 14 верш. Верхняя плита, видимо попорченная при падении, имеет еще теперь в ширину 4 арш., в длину 3 арш. 6 вер., в толщину 9 верш.

На одной линии со вторым

долменом, шагах в десяти от него и в 12-ти от первого, нашли 3-й долмен, совершенно скрытый под пластом растительной земли. Сбросив поларшина земли, нашли плиту, вероятно одну из боковых, если вывод этот возможен на основании боковых желобков, обыкновенно высеченных на этих плитах. Судя по ее размерам, долмен был также больших размеров: плита имеет длины 3 арш. 9 верш., ширины 2 арш. 12 верш.; около плиты и боковой глыбы. Передняя плита весьма испорчена временем, а может быть и людьми, но интересна потому, что пополняет рисунок выше приведенной плиты второго долмена: верх ее отбит, что не мешает нам разобрать высеченный на ней рисунок; видим те же пиластры, оканчивающиеся внизу параллельными тремя зарубами в виде колонной подушки и ясно разбираем нижнюю окружность обыкновенного круглого отверстия. Средний пролет между колоннами имеет 8 верш.; ширина же колонок 4,5 вершка.

По словам старосты можно заключить, что вся эта местность была некогда весьма богата долменами: на его памяти завалены и уничтожены два из них, находившиеся влево от наших, в глуши, под старыми дубами и вязами. Мы обошли всю местность, пробуя расчистить ту или другую грудку камней и, таким образом, совершенно случайно попали на описываемые выше долмены, с разукрашенной передней плитой.

Шагов 600 от описываемого нами бугра осмотрели второй подобный ему, тоже покрытый густым лесом, между которым находим весьма значительные экземпляры дубов и вязов. Вообще, вся местность покрыта громадными плитами песчаника, вероятно, остатки все тех же долменов, на принадлежность к которым указывают как их огромные размеры, так и высеченные пазы на многих из них. Так например две из них – (одна видимо верхняя) имеют длины 2 ар. 13 вер., ширины

2 ар. 14 верш.; другая боковая, сохранившая пазы, имеет длины 3 ар. 4 вер. и ширины 1 арш. 8 верш. Кроме них находим и совершенно отдельные плиты, одна длиной 3 ар. 10 верш., высотой 2 арш.; вторая длиной 5 ар. 4 верш., высотой 2 арш. 2 вершка.

10 июля. Всю ночь и день была гроза; дул северо-восточный ветер и шел проливной дождь. Около 4 часов проглянуло солнце, погода просветлела; мы сели на коней и поехали за 14 верст, в так называемую Полковничью щель, прозванную так, по мнению проводника – старого боевого солдата, в память полковника Ростовцева, отбившего саклю у горца и поселившегося в ней. Дорога идет сперва берегом реки по направлению к станице Уланке; позднее заворачивает на Екатериноградскую. Все время зелено, уютно и живописно; лучший английский парк не мог бы представить более живописных лужаек, более темных аллей, более могучих развесистых деревьев. О речках и говорить нечего; переезжаем их целыми десятками, и каждый раз не можем не остановиться в их русле, чтобы напоить коней, попользоваться прохладой и налюбоваться тенистыми их берегами.

На десятой версте дорога разделяется; оставляем вправо дорогу в станицу Дыхановскую и сворачиваем влево. Узкой тропой спешим доскакать до щели, так как уже темнеет, а нам остается еще до нее четыре версты. Въезжаем в Люлькино ущелье. Некошными лугами, с одичалыми виноградными лозами и запущенными черкесскими садами, добираемся до армянского поселка, разыскиваем старосту и почти силою забираем черноокого красавца-проводника с собой и пробираемся далее. Еще несколько потоков, несколько полян, отдельный шиферный отрог чернеющей скалы – и пред нами открывается поляна с возвышающимся над ней холмом, украшенным на верши-

не маленьким долменом с передним отверстием. Передняя плита шириной 1 ар. 13 верш., высота 19 верш., диаметр отверстия 8 верш.; боковая стена с выступами на перед, длиной 4 ар. 6 верш.; с верхней плитой в размере 4,75 ар. Когда-то существовали здесь и другие долмены, но они, за последнее время, употреблены на исправление мельницы.

Уютно и тепло в этих ущельях, и понятно, что прежнее население: натухачи, шапсуги, убыхи и абадзехи с горем покидали свое насиженное гнездо. Нынешние поселенцы, армяне, пришли из Малой Азии, и потому не похожи на кавказских армян.

11 июля. Собирались переправиться в Туапсе на фелюге, и потому встали рано, ожидая обыкновенного утреннего попутного ветра, чтобы выйти под парусом; ждали очень долго и, наконец, в 9 часов, было решено, что ехать невозможно, ибо дует совершенно противоположный ветер. Приходилось или оставаться, или ехать снова верхом при довольно сомнительной погоде. Мы предпочли последнее и, навьючив багаж на две лошади, пустились в путь по дороге в Туапсе. На основании ли поговорки, что «смелым Бог владеет», или по простой счастливой случайности, погода разъяснилась, солнце пробилось через тучи и прилепало весьма изрядно в продолжении всего остального дня.

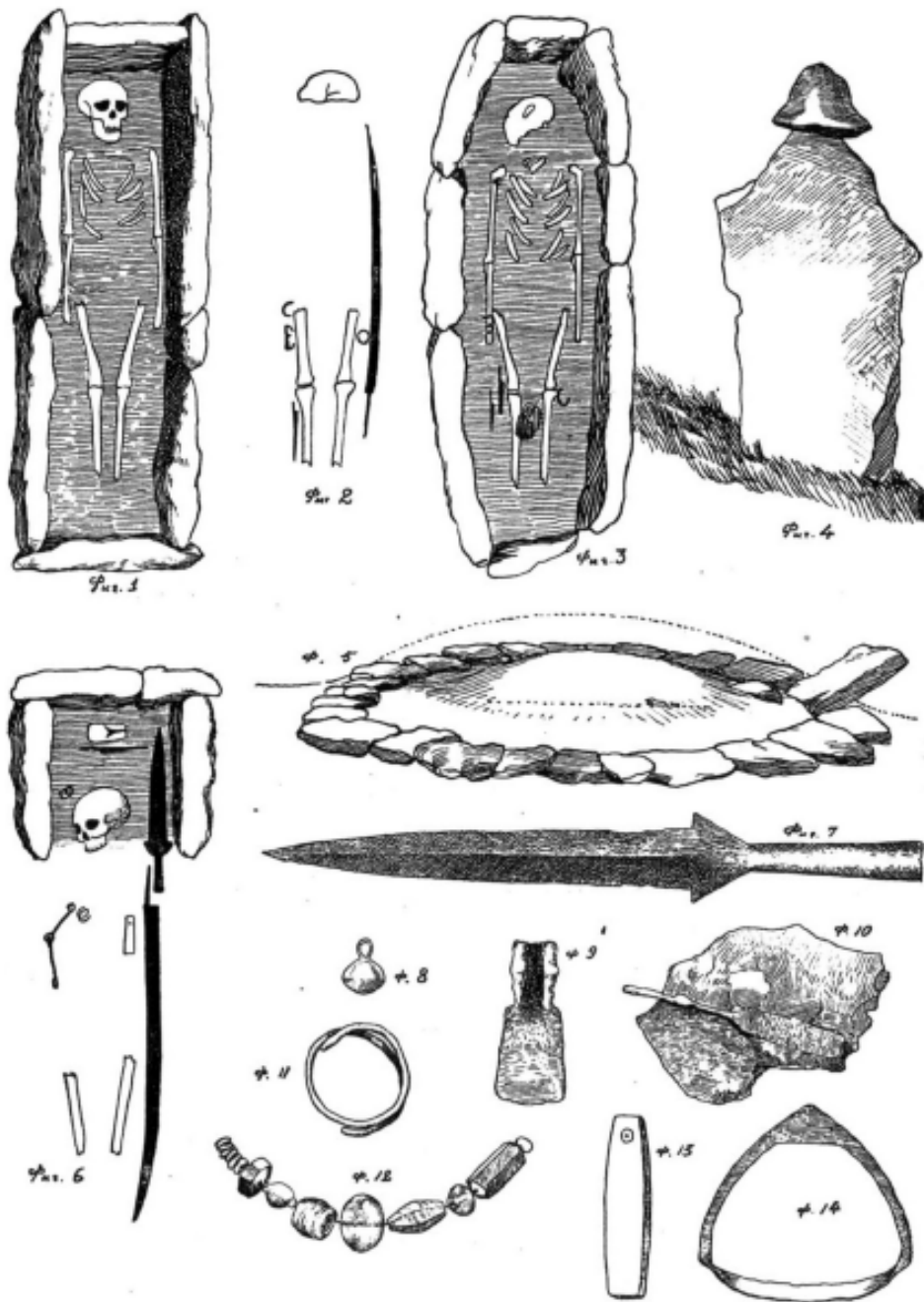
Выехали мы в час и двинулись левым берегом Джубки прямо к морю; здесь завернув влево, остановились пораженные величием зрелища, раздвинувшегося перед нами: светлая известковая, вся пятнистая скала, ярко освещенная солнцем, выходящая из-за грозных туч, ярко светлая береговая полоса с белыми шипящими волнами, и темно-синее, бушующее море – картина, простирающаяся прямо под кисть художника. На берегу фелюга, морская казарма среди зеленой, густой заросли – одним словом то, что на карте обозначено под

названием «Морское».

Сворачиваем за казарму влево и среди кустов видим довольно значительный могильник, состоящий из курганов, основания которых в некоторых местах прикрыты известковыми плитами. Въезжаем в горы и темным каменистым подъемом взбираемся на довольно грустную, пустынную вершину Джубского перевала. Кругом нас горная возвышенность с заброшенными, заросшими черкесскими садами. Немного далее, при повороте, снова останавливаемся перед новой, но не менее величавой и привлекательной картиной: теперь перед нами все вершины Джубских гор, вершины зеленые, волнистые, покрытые богатой растительностью, с глубокими ущельями, темными закоулками, с множеством остатков черкесских аулов и поселений. Темно и укромно сиделось им здесь; трудно достались эти горы победителям; тяжелое, безотрадное впечатление производят они ныне на путешественника — точно огромный могильник, сохранивший память о прежних днях, о прежних, до сих пор незамеченных насельниках.

Спуск с этого перевала очень крутой; наслаения известняка, перемежающиеся с легкими залежами шифера, вырастают перед нами в виде более или менее высоких и неудобных ступеней; некоторые из наших спутников спешили и ведут лошадей под узду; лошади спускаются осторожно и верным шагом обходят все опасности. Луч солнца освещает направо маленькую бухточку, на берегу которой расположен казачий Тенгинский пост; налево, в более темных тонах, видим среди ущелья армянский поселок того же имени. Чем более спускаемся, тем заметнее нам все разветвления этого зеленого ущелья, омываемого рекою Шапсуго. Поселок расселился по всем его закоулкам и пригоркам, прячась под нависшими раkitами, ореховыми деревьями, вязами и ясенями. Пробираясь между плетнями, кукурузными полями и табачными плантациями поселка, понимаешь, что чужаки-поселяне эти живут целыми годами, не сходясь с русскими, не изучая их языка, сохраняя свою веру, язык и своеобразный, пестрый, чисто греческий наряд. Понятно также и то остервенение, тот отчаянный отпор, которые встретили русские, когда задумали овладеть Кавказом. Засев в этих ущельях, нельзя не полюбить их, не привязаться к ним всей душой, не отказаться от всего остального мира. Может быть чувство это объяснит и ту отчужденность, в которой жили черкесские племена между собою, и ту особенность, которая встречалась в наречии всех этих отдельных племен.

У подошвы холма делаем привал на несколько минут под развесистыми ветвями двух грушевых деревьев, привлекая нашу молодежь своими полуспелыми плодами. Потом долго пробираемся



Зихские подкурганные и грунтовые погребения в каменных ящиках. Район рек Нечепсухо - Туапсе. См.: Миллер А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 33. С. 96.

между плетнями и зелеными цветущими изгородями; несколько раз силою напора верховой лошади, открываем калитки, у которых виноградная лоза играет роль гуттаперкового задерживающего шнура. Проезжаем полноводную р. Шапсуго вброд и останавливаемся в нескольких шагах от моря у казачьего Тенгинского поста. Меняем более замученных лошадей, и движемся далее. Минуту частное владение богатого грека, доезжаем до самого моря, но сейчас же покидаем его и снова перебираемся через горы. Подъем этот мягче, короче и зеленее; известковая формация уступила место красноватой глине и чернозему. Спускаемся узким известковым ущельем — и перед нами снова море — широкая, открытая бухта, пятнистые скалы и блестящий белый прибой под яркими солнечными лучами...

Шагов триста едем берегом моря, а там опять горы, зеленые буквые рощи. Извилистым, узким ущельем речки Кужепс снова спускаемся к морю и теперь уже надолго: версты две или три едем у самого взморья, по топкому мягкому морскому песку. Море ревет и бушует; волны обдают нас брызгами, то и дело пугают наших лошадей, которые фыркают и косятся на непрощенных гостей, со-

бирающихся сбить их с ног. Мелкий кустарник, и даже деревья, покрывающие прибрежные скалы, сплотились в одну цельную массу, сильно нагнутую в сторону земли и совершенно опаленную, иссушенную морским ветром и жгучими лучами солнца. Местность от Тенгинского поста до Ново-Михайловской станицы, принадлежит частным владельцам, генералу Ахшерумову и др.

Вот глубокое и широкое заселенное ущелье на берегу реки Секау. Вот и еще ущелье р. Пляхо, у самого впадения которой в море расположен Ново-Михайловский казачий пост.

На посту не хватает лошадей и потому решено, несмотря на то, что еще рано, переночевать в станице того же имени, до которой от поста считается 4 версты. Полянками, лесками, мимо плетней и огородов, доезжаем до малороссийской станицы, растянутой на несколько верст в глубине ущелья, по берегу реки Нечепсухо, станицы, утопающей в зелени, со множеством великолепных ореховых деревьев. Проездом от поста до станицы перерезываем мыс Гуавсо, который заметили, подъезжая к посту.

Останавливаемся у местного старосты и бродим вечером по станице: любуемся ореш-

никами у кабачка, сидим на берегу реки в том месте, где р. Псебе вливается в Нечепсухо, и рассматриваем зеленые горы, которые сплошной массой окружают это зеленое ущелье со всех сторон. Говорят, однако же, что, несмотря на горы, долина очень страдает от северных ветров, которые, врываясь из-за горы Зарубки (виднеющейся на севере), уничтожают и губят все.

Замечаем здесь в диком состоянии высокую, сочную кормовую траву, по местному «Мишень» (из семейства рапса), достигающую огромных размеров, и которая могла бы, вероятно, при малейшем уходе, служить отличным кормовым средством и в зимнее время.

Станица пользуется безотчетно всем лесом, находящимся в горах, окружающих станицу, но вместе с тем и здесь, как и везде в наших колониях, нет ничего: ни скота, ни запасов. Говорят, что земли мало, всего две десятины на душу, а держат работниц, вероятно для того, чтобы не обрабатывать и этого надела.

12-го июля. Опять всю ночь была гроза и лил дождь, как из ведра. Проночевав кое-как на деревянных скамьях в хате старосты, мы надеялись, по крайней мере, что возможно будет освежиться, выкупавшись утром в быстрой реке, но исполнить этого при всей нашей храбрости оказалось невозможным. В 7 часов, услышав благовест в местном молитвенном доме (церквей нет на всем этом пространстве), я завернулась в бурку и пошла к службе, недостаток в которой чувствовался давно, тем более в родительскую субботу. Церковка оказалась весьма миниатюрная, построенная в виде мазанки; служба шла стройно, тихо и разумно. Грустно было однакож стоять в этом маленьком, тесном помещении и думать, что Россия, покорив Кавказ, не нашла возможности сделать до сих пор большего, по отношению к ее православным поселенцам.

К часу стал утихать дождь, и мы стали подумывать об отъезде; послали узнать, есть ли проезд через ближайшие реки, и приказали с казачьего поста приводить и седлать лошадей. Операция эта затянулась до 4 часов; мы уселись на коней и пустились в далекий и трудный путь

с надеждой, что дождь не повторится, и нам удастся при особой поспешности еще засветло переправиться по каменистой дороге на берегу моря между Ольгинским и Небугским постами, дороге, которую пугали нас уже давно. Переезжаем чуть ли не вплавь реки Нечепсухо и Псебе, множество ручьев и потоков и зеленым узким ущельем, по которому дорога вьется вдоль горного потока, между двумя зелеными стенами буквых насаждений, все выше и выше поднимаемся в горы, забирая на север, в ущелье горы Мыш (или Михайловской, по мнению наших спутников). Горы известковые, покрытые буквыми, ореховыми, каштановыми и граповыми насаждениями, напоминают мне очень Моравию с ее долиной р. Пунквы, близ Брюна, где прожили когда-то так тихо и спокойно в деревне у доктора Ванкеля. Подъем довольно крут и тяжел после дождей, обративших местность или в шумящий поток, или в тяжелую, густую глинистую массу, по которой лошадям еще тяжелее, еще опаснее.

Но вот мы на вершине; перед нами чудная картина волнистых темно-синих вершин г. Плахо, Мысовой, Зарубки, Нечепсухо и Лысой; темно и угрюмо выглядывают они, обещающая еще не одну грозу, не один ливень.

При спуске замечаем перемену в составе гор: между известняком все более и более чернеет шифер, разлагаясь и размываясь черными потоками в тонкие черноватые лепестковые кучи. Долиной р. Ту пробираемся до Ольгинской станицы; едем по лугам и полям со старыми, развесистыми ореховыми деревьями, бурый прогнившим сеном и весьма скудным урожаем хлеба. Море снова открывается перед нами. Мы загибаем однако же влево и круто взобравшись снова вверх, сокращая путь, перерезываем мыс Аргиоту или Кодос и только тогда спускаемся тесным, маленьким ущельем к морю, которое при спуске чарует нас своими синими, глубокими волнами.

Дивно хорошо Черное море на Кавказе, а вместе с тем оно не играло и не играет никакой роли в жизни этого края: как черкесы держались, любили и дрались только за свои горы и ущелья, так и нынешнее неподвижное население сидит на лугах и полянах, часто на самом берегу моря, и не имеет никакого общения с ним, не пользуется им и его богатствами. Море здесь — украшение, как бы фон огромной, роскошной картины. Может быть оно именно потому так и привлекает меня, так чарует, полно такого обаяния и прелести?

Проверяя при поездке карту Главного штаба и описание Dubois (t.I, стр.194), находим неясность и недоразумение в планах: Dubois видимо путает мыс Кодос с мысом Гуавсо. Найти же и проверить указываемые им развалины древних крепостей на мысах

нам не удалось, может быть только по случаю проливных дождей, грязных дорог и летней могучей растительности.

Проехав от Ново-Михайловской станицы 12 верст горами и ущельями, нам предстоит теперь проехать морским берегом, вдоль самого моря до 14 верст, до самого Небугского поста, от которого снова горами останется 7 верст до хутора, где собираемся переночевать. Скалы, спускаясь к морю, тут совершенно голы и безлесны; только кое-где лепится сосна, извилистыми корнями охватывая известковые плиты или глыбы шифера. Наслоения спускаются к морю, то совершенно перпендикулярно, то так горизонтально, что воображаешь себя перед гигантской лестницей с уступами и ступенями до самой вершины. Плиты шифера представляют все более плотные, чернеющие массы; известняк же оживляет утесы и всю местность теплыми, желто-розоватыми оттенками своих наслоений и тех глыб, которые, отрываясь, ввергаются в море и покрывают весь берег. Вечный вал, шумя и бушуя, борется с этими твердынями и победоносно уносит в свою пучину и снова накачивает глыбы, голыши и целые кучи песку на нашу дорогу; только шиферные наслоения оказывают большую устойчивость, и выставляют из-под волн свои темные зубчатые верхушки.

Море плещет и шумит; «буре плач его подобен, слезы брызгами летят», скажем мы с поэтом. Пред нами далекая картина – темные, лесистые, многоэтажные массы, и светлый луч солнца у их подошвы – непонятный контраст с грозовой, гудящей стихией, как бы луч надежды после тяжелой, безвозвратной потери, как бы просвет в лучшую загробную жизнь...

Останавливаемся и невольно любуемся на прелестный утес, выдвигающийся на дорогу и представляющий нашим взорам перпендикулярные залежи известняка, перемежающиеся с черными залежами шифера. Встречаем пешехода-охотника в бурке, башлыке и с ружьем – первое живое существо за время нашего странствования. Грустные думы наводит на меня это безлюдье: права ли Россия, покорила этот чудный край и обезлюдив его совершенно?!

Нас просят спешиться и, взяв лошадей в повод, продолжать путь пешком, перебираясь с камня на камень, перелезая с глыбы на глыбу, стоя в раздумье над этим хаосом представляющего препятствия даже для казачьих лошадей, которые решительно недоумевают, куда поставить ногу, как выкарабкаться из-за этих камней. Преграды эти лежат на продолжении двух верст. Интересно было бы проверить, на сколько изменились к лучшему пути сообщений в этом краю со времени похода Митридата против диких Зиков, похода, описываемого Аррианом, который не раз упоминает о трудностях, произведенных им

переходов и неудачах, постигших его в этих диких, неприступных приморских странах.

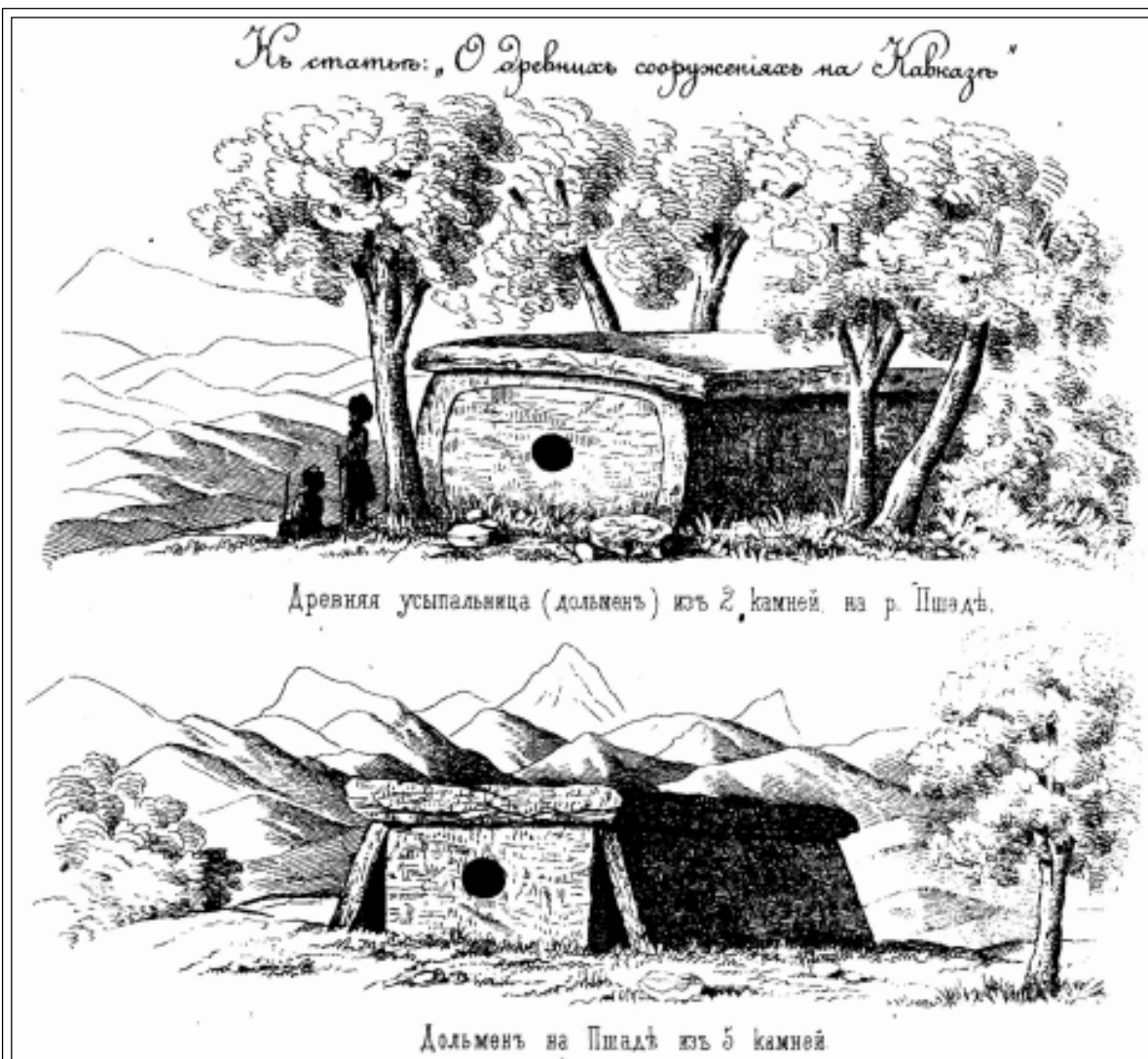
Но вот и конец грозным завалам. Садимся снова на измученных коней и, покидая море, предпринимаем перевал через отпрыски горы Громада. Поднимаемся круто в гору, понукаем лошадей и спешим пробраться засветло через буковый лес, уничтоженный, разоренный лесными пожарами: повсеместно лежат гиганты, повалившиеся после пожара, никому ненужные и обреченные к медленному уничтожению. Но вот новый спуск возвращающий нас снова на берег моря; опять тот же песчаный берег, опять клочущие волны, опять каменные глыбы по пути, но более редкие... Заря понемногу потухает, день падает, и как всегда на юге, заменяется весьма быстро совершенной ночью. Но вот вдаль показался огонек – это Небугский казачий пост.

Мы на берегу речки того же имени, но дожди так переполнили ее, что мы в темноте остаемся в недоумении, как переправиться. Сопровождающий нас начальник казачьей сотни, В. И. Орлов, берется найти брод, пускается в воду, но принужден пустить лошадь в плыв; перебравшись на противоположный берег, он спешит на пост, чтобы при помощи казаков перевести и нас; но во время его отсутствия мы находим более удобный переезд по морской косе и догоняем его. Еще несколько верст едем по берегу, но в одном месте, где нижнюю дорогу прикрыло прибоем, пришлось, в совершенной темноте, взобраться на вершину, чтобы таким образом пересечь мыс и добраться до дороги. Доверяясь однакож вполне своему вожаку и спокойной стойкости наших лошадей, мы беспрестанно предпринимаем опасный подъем, чтобы снова через несколько минут продолжать путь вдоль берега моря.

В 9 часов свернули влево, поднялись решительно на утес и темною дорожкой добрались до хутора Козлова, где нас радушно принял старший брат хозяина и уступил нам единственное готовое помещение – сарай на курьих ножках, род черкесской кладовой, где он устроил себе спальню до окончательной отделки дома. Помещаемся в этом сарайчике, а сыновья и спутники с хозяином, завешивают окна строящегося дома медвежьими шкурами и проводят там ночь на бурках.

Всю ночь ревет страшная буря и льет снова потоками дождь; ветер сотрясает наш сарайчик; мы часто просыпаемся от этого непривычного гула, но снова засыпаем благодатным сном.

13-го июля в 7 часов поднимаемся. Некоторое время любуемся морем; потом снова садимся на коней и продолжаем путь на Туапсе, до которого остается 9 верст. Едем лесною глушью, переезжаем речку Агуи (по ее течению в горах черкесский аул того же имени), с пре-



Байерн Ф. О древних сооружениях на Кавказе // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. Т. I Между стр. 312 и 313.

Современные исследователи дольменов О.П. Куликова и В.А. Трифонов подчеркивают, что «особый размах разрушение дольменов приобрело с окончанием Кавказской войны (1864 год), с началом массовой колонизации края и связанным с этим интенсивным строительством и эксплуатацией местных ресурсов». (Куликова О.П., Трифонов В.А. Как сохранить дольмены – культурное наследие древних народов Западного Кавказа // Дольмены. Современники древних цивилизаций. Мегалиты Западного Кавказа IV – II тысячелетий до н.э. Краснодар, 2001. С. 93).

«Большинство дольменов уже разрушено, как временем, так, во многих случаях, и варварством людей. Так, каменщики пользовались ими, как готовым каменным материалом для выработки жерновов разного рода, молотильных катков или просто – как материалом для построек. В Шапсугской станице несколько дольменов пошло даже на фундамент строившейся там церкви! Вообще не так давно, дольмены истреблялись всеми, кому только было не лень, часто без всякой видимой цели. Собираются, например, бесшабашные парубки на гульбище и начнут пробовать свою силу на сокрушении дольменов, этих драгоценных старинных памятников. Иногда встречаем дольмен с разбитым без всякого толку и цели плитам. Например, сохранились указания, что дольмены возле ст. Шапсугской в долине р. Кабардинки, разрушены часто проходящими здесь на «шапсугские» табачные плантации рабочими-греками. Эти рабочие сокрушали дольмены просто от нечего делать, во время привала на отдых. Иногда от дольмена остаются лишь незначительные осколки, которые только одни и свидетельствуют, что тут было когда-то каменное сооружение. Нам самим приходилось видеть, например, в имении принца Ольденбургского возмутительное расхищение дольменов: от трех остались лишь незначительные куски песчаникового камня; по дороге к дольменам то тут, то там валяются недоделанные катки и жернова, остатки дольменных плит, так как материал оказался очень хрупким, выветрился. Следует заметить, что плиты многих дольменов от влияния солнца, ветров и вообще атмосферы очень разрыхлились и потеряли свою прежнюю прочность и упругость. И такое расхищение дольменных плит происходит в местности, где повсюду почти выступают из земли большие

плиты, песчаниковые пласты, сами просыпающиеся под инструмент каменщика! Теперь вот запрещено начальством разрушать дольмены, но кто может поручиться, все-таки, за их целостность! Кто запретит каким-нибудь рабочим или чабанам пробовать свою силу на этих созданиях рук древнего человека? И это возможно тем более, что многие дольмены находятся в таких труппах, в которых человек только случайно наткнется на них и, раз набредя на них, часто не может потом найти их, если бы и хотел? Давно ли было время, когда атаманы разных станиц выдавали каменщикам чуть ли не письменное разрешение на пользование каменным материалом, представляемым дольменами?» (Талицкий Н. Несколько слов о кавказских дольменах // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Вып. V. Екатеринодар, 1912. С. 95 – 96).

«Эти удивительные по крепости постройки, – писал С. Васюков, – называются доисторическими памятниками, большинство дольменов разрушили, употребив их огромные камни на постройку мостов во время проведения в 1891 г. берегового шоссе от Новороссийска в Сухум. Подверглись разрушению дольмены, поставленные невысоко, так как по вершинам гор сохранились, напр., близ Геленджика и еще каким-то чудом остались целы дольмены, вблизи шоссе, в 2-х верстах от селения Пшадя. Близ фальшивого Геленджика находился огромный дольмен, в котором жил поселенин Фоменко, но строители Новороссийско-Сухумского шоссе неизвестно по какому праву выгнали его и дольмен употребили на дорожные надобности». (Васюков С. «Край гордой красоты». Кавказское побережье Черного моря. СПб., 1902. С. 2).

Ф.П. Доброхотов указывал, что «в селении Береговом местный храм целиком построен из камня разрушенных дольменов. В селении Пшадя – мельница. Десятки разрушенных, изуродованных дольменов встречаются на каждом шагу, около поселенческих селений, шоссе и дач, и красноречиво говорят, как мы поступаем с этими редкими свидетелями седой древности». (Доброхотов Ф.П. Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга. Петроград, 1916. С. 22).



лестными бархатными берегами и полянами с развесистыми орешниками. Переваливаем через гору Чардак (тут же выступ в море под названием мыс Чардак или Кадош) все время едем по воде, то прорывающуюся из-под камней, то размывающую дорогу, то пробираться по вертикальным наслоениям известняка. Кругом нас старые, развесистые каштаны, вязы, белый бук и грушевые деревья. Пробираемся в тени и весьма недалеко от моря, которое виднеется и за нами, и впереди нас. Спуск довольно крутой и весьма грязный от постоянных дождей. Веселая, приветливая, зеленая дорожка, лужайка с черкесскими садами, поток, омывающий черновато-красную шиферную скалу и широкая, цветущая долина р. Паук, ущелья которой также, говорят, богаты черкесскими садами. Еще короткий перевал, спуск к морю, пустынный берег, погибшее судно, и наконец, город или посад Туапсе.

Постоянные дожди обещают местным жителям, что они останутся на зиму без сена; мысль эта пугает всех, ибо подвоз здесь немыслим; вместе с тем никто не хочет ничего сделать, чтобы побороть зло. На замечание, что можно заготовить зеленые веники из древесных ветвей для прокормления скота, только пожимают плечами и не дают никакого ответа. Вместе с тем сами рассказывают, что у черкесов был обычай заготавливать в горах, в разных наперед указанных местах, целые стога дубовых зеленых ветвей, которые могли им пригодиться во время набегов или военных действий. Каждый житель должен был снести на стог этот, известное количество ветвей и наказ этот строго исполнялся, что могут подтвердить русские отряды не раз воспользовавшиеся этими горными запасами при необходимых горных набегах. Другой, не менее похвальный обычай горцев, о котором хочется напомнить здесь, состоял в том, что все престарелые люди, не могущие более работать и не бывшие в состоянии более нести остальных обязанностей, возлагаемых на граждан всяким обществом, должны были делать известное число прищепов на фруктовых деревьях. Следы этих забот видны еще и теперь, в особенности на абрикосовых деревьях — заботы достойные высокообразованного народа, напоминающего обязанности каждого отдельного гражданина, по отношению к обществу и государству.

Посад Туапсе (тоже что наш уездный город), расположен на берегу моря, у подошвы холма, на котором в былое время стояла крепость Вельяминовская. Тут же впадает в море речка Туапсе, а немного далее, в ущелье, на левом берегу реки, раскинуто весьма живописное селение Вельяминовское. Местность эта известна также под названием «Мамая». Посад состоит всего

из нескольких десятков домов и двухсот жителей; домики эти построены без всякого плана и разбросаны среди зелени по берегу моря, кругом крепостного холма и вдоль по ущелью, что выходит и живописно, и уютно, и напоминает во многом Карлсбад. На самой вершине холма, среди бывших крепостных валов стоит маленькая, беленькая церковь, единственная в городе, без приличного звона, без певчих и при самой бедной обстановке. Неужели возможно, и желательно даже в городе, обходиться без церкви и приличной службы?

Пониже церкви, на отдельном холме, над самым морем, стоит единственное народное училище города, каменное здание с хорошим классом и удобным помещением для учителя. Училище устроено тому назад четыре года старанием попечителя Козлова, на средства местного помещика Сибирякова, при помощи казны, взявшей на себя обязанность уплачивать учителю жалованье. С учителем не удалось познакомиться, но по всему видно что он человек преданный делу, так как, не получая особых на то средств, устроил кругом школы посев кормовых трав, садик и большой огород.

Рейд в Туапсе довольно открытый, но глубокий; берег очень приятный с чистым мягким песком и чистой водой. На берегу заметно уже более жизни, чем на всех до сих пор виденных нами портовых городах Кавказа; есть фелюги и баркасы, есть и более маленькие лодки, видны матросы и другой разнородный люд, греки, армяне, придающие городу более южный характер. Тот же характер имеют и городской базар с лачугами, имеющими единственную дверь на улицу и широкий прилавок в виде отваленной стани, прилавок, на котором, поджав ноги, глубокомысленно сидят те же восточные люди с свежеспеченными хлебами и другими яствами.

14-го. Вечером ездили по Майкопской дороге в горы, вдоль по долине р. Туапсе. Везде также зелено, уютно, спокойно и безлюдно.

15-го. Посетили в 7 верстах от города, по новой проделанной горной дороге (предположенной по всему восточному побережью), имение харьковского помещика, барона Штенгеля, первое имение на восточном побережье, из которого выезжаем с отрядным чувством, — что все-таки на Руси есть люди, которые думают и работают и хотят приложить руки к делу, за которое взялись.

Имение принадлежит барону уже восьмой год. Вы находите в нем прелестно устроенную пасеку в 200 колод, 5 десятин хорошего виноградника, огород, фруктовые сады, питомники, сад с цветами, великолепными розами и южными растениями, маленькой тепличкой и правильно веден-

ным виноделием. Занимается имением чех с помощником, также чехом, который весьма любезно принял нас и, за болезнью управляющего, показал все имение, во всех возможных подробностях. С особенной любовью показывал он пасеку, в которой применяет свою систему улей, почти тоже что улей Долинского, но более упрощенный и улучшенный. Рамки Долинского, например, представляющие большие затруднения при помещении их в улей-домик и при необходимости сдвинуть их без повреждения пчел. Тихачек (помощник управляющего) же делая рамки, расширяет верхнюю перекладину, сравнительно с боковыми поперечными стенками, а внизу прибавляет горизонтальный гвоздь; таким образом получается между рамками некоторое пространство, куда пчелы и опускаются при соединении рамок. Весь улей Тихачек удлиняет и делает крышу выше и остроконечнее, чем у Долинского, с целью дать пчелиному царству больше воздуха; удлинение же самого улья делается для того, чтобы возможно было в одном и том же улье поместить два роя. Тихачек считает доход с каждого улья по 10 р. в хорошем году и в 5 р. в плохой год, при цене в 9 р. 50 к. за пуд меда и 22 р. за воск. В именье много потоков, много старых нависших деревьев, много умно проложенных дорожек и прелестный вид на море, соседние долины и холмы; с севера имение защищено горю. У Тихачека, близ дома видели купленный им у черкесов надгробный памятник, в виде продолговатой плиты с обликом человеческой головы в чалме и черкесской надписью 1653 г.

Долиной р. Туапсе кончается страна, занимаемая в прежние времена шапсугами; за ними, до реки Шепси и Шюука, жили Убыхи, одного и того же племени с первыми.

16-го. Поехали на фелюге из Туапсе в именье золотопромышленника Сибирякова, расположенное на самом берегу моря, между речкой Нежданной и рекой Аше, в 22 верстах от города. Вышли в 8 часов утра. Ветер стоял сперва попутный, и мы быстро вышли из залива и завернули за мыс, но вскоре пришлось убрать парус и все время идти на веслах, на что потребовалось около 5 часов времени. Все время идем шагов пятьсот от берега, идем довольно тихо, благодаря противному течению и сильной жаре, все более и более припекающей нас. Берег виден как на ладони, виден настолько, что сыну удалось с фелюги убить дикую козу, пришедшую пить на море. Проходим мимо узкого ущелья, образуемого речкой, протекающей через имение барона Штенгеля; минуем р. Дедуракай, мыс и речку Шепси (на первых картах генерального штаба она означалась под именем Псесисоапе — псе по черкесски вода), р. Шюук и Мокосе, Шюукский или Мо-

копсинский пост; на лесистом предгорье нам указывают на скрытые в зелени станции Калиновку и Вишневу; у самого взморья видим греческую колонию Мокосе; немного далее, на очищенной поляне, между двух зеленых стенок оставленного леса дачу г. Сосновской, построенной в виде подмосковных деревянных дач. Еще две версты и мы останавливаемся у пристани роскошной и совершенно крымской (по обстановке и расположению) дачи Сибирякова.

Дача эта весьма роскошна и красиво расположена на высоком горном откосе, имеет значительное хозяйство, множество скота и может быть со временем будет, по желанию хозяина, обращена в сельскохозяйственную школу.

17-го июля. В 4 часа покидаем гостеприимную кровлю Вельяминовского попечителя, Козлова, приютившего нас в своем доме на все время пребывания в Туапсе и немало способствовавшего своим распоряжениями удачному исходу нашей поездки до этого пункта. Козлов, помещик Полтавской губернии, образованный, развитый, симпатичный, много подумавший и очень занятый попечительством, ему доверенным. Знает он всех по станицам, знает семейные отношения, умеет приказать и взывать, но умеет и миловать, и приласкать.

Садимся на пароход «Великий князь Михаил». Погода чудная, теплая; море лазоревое и тихое. Едем все время в виду берега. Верст двадцать горы представляют низкий, скалистый хребет, только на вершине покрытый лесом; за этим, на вид совершенно отдельным хребтом, возвышаются отдельные группы более высоких, лесистых гор, Туишко и Псеушко, отрогов главного Кавказского хребта, в глубоких долинах которых находят начало те реки и речки, которые почти на всяком шагу впадают в море и, питая луга и нивы, обращают все эти пространства в благословенный край, которым мы, к несчастью, до сих пор не умеем пользоваться.

После имения Сибирякова побережье принимает иной характер: передняя скалистая стена сливается в одно целое с задними горами и спускается к морю отдельными, одна от другой оторванными, одна от другой независимыми группами, с причудливыми вершинами то в виде конусов, то в виде восточных круглых куполов.

Не доезжая Лазаревского поста, на одном из отрогов горы Гоачьих замечаем более ровную вершину, как бы природную каменную скамью или трон и припоминаем переданную нам К.С. Козловым легенду о некоем царе, испытывавшем на берегу моря льстивые советы своих царедворцев, уверявших его, что он царь-царей может повелевать и морской пучине, не остановившейся, однако же, пред его жезлом и затопив-

шей льстецов — легенду, повторяющей сказание о Кнуде Великом, покоровшем Британию.

Но вот и Лазаревский пост. Река Псеузапе выдвинула в море все те наносы, отложения гор, органические части, которые ей и притокам ее пришлось оторвать, отвозить у омываемых ими гор Гиячьих, Кодо, Бекмеи и Лучь. На плодородной низине этой расположилась, в былое время, русская крепость Лазаревская, от которой остались теперь бойницы, башни, стены и развалины церкви; кругом крепосцы видно селение, около которого пароход останавливается на несколько минут для приема пассажиров.

В семи верстах от Лазаревского, на реке Годлике, на земле, дарованной генералу Гейману, с богатыми каштановыми деревьями, по карте значатся развалины монастыря; по отзыву же начальника края следы эти ныне совершенно исчезли.

Несколько речек вырываются из ущелий горы Жемси, разрывают ее на несколько уступов, холмов, вершин, как бы выдвигают отдельным отрогом, как бы заманивая человечество поселиться под кущами ее садов, под вековыми ее деревьями. Вся гора кажется прелестнейшим английским парком, в котором приютились отдельные домики-дачи, весьма живописно разбросанные среди листвы; один из них — бывшая дача нашего хозяина Козлова, Дубки, еще раз свидетельствующая о вкусе ее устроителя.

Еще четыре версты, и мы проезжаем мимо глубокого зеленого ущелья реки Шмижуадзе, с имением того же имени, принадлежащего инженеру Зубову, имения, идущего до самой вершины горы Жемси, увенчанной четырьмя отдельными конусами.

После Головинского поста, расположенного на низменности, образованной рекой Кадошей и рекой Шахе, местность снова изменяется: горы становятся ниже, принимают характер еще более мягкий, ущелья расширяются и делаются еще глубже, еще уютнее, еще привлекательнее; вместе с тем горы тянутся как бы параллельно вдоль моря, громоздясь одна над другой, как бы самостоятельными, совершенно отдельными продольными хребтами, числом до четырех.

Вот и долина р. Буу с имением великого князя Михаила Николаевича, Вардане: по близости и Уч-Дере, имение великого князя Константина Николаевича и Дагомыс, принадлежащий государю императору.

[На этом пункте описание бывшего черкесского побережья в путевом дневнике П.С. Уваровой завершается, поскольку она предпочла сразу, на пароходе, переместиться в Абхазию. Прим. С.Х.]